

T-32

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

В. С. ТЕМУРДЖЯН

КОВРОДЕЛИЕ В АРМЕНИИ

(историко-этнографическое исследование)

А в т о р е ф е р а т

*диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук*

ЕРЕВАН

1954

Ковроделание, как одно из старинных народных ремесел, было занятием, известным в Армении с давней поры. Это подтверждается как письменными сведениями, так и остатками материальной культуры. Однако оно до наших дней не являлось предметом серьезного исследования. Это значительный пробел в деле изучения культуры армянского народа.

В данной диссертационной работе автор ставит целью изложить происхождение и развитие ковроделания в Армении с историко-этнографической точки зрения. Источниками для древнего периода изучаемого предмета служили этнографические и исторические данные греческой и римской историографии, а для средних веков—данные историографии армянской, византийской и арабской, остатки материальной культуры, обнаруженные раскопками, архивные материалы Матенадарана (Хранилище древних рукописей), публичной библиотеки им. Ал. Мясникяна, Комитета по охране архитектурных памятников при Совете Министров Армянской ССР, а также ковровые ткани, находящиеся в Государственном историческом музее и в Эчмиадзинском монастыре.

Были использованы (с соответствующим критическим подходом) и имеющиеся в буржуазной литературе сведения о восточных коврах вообще и, в частности, об армянских.

Материалами для раздела по советскому периоду армянского ковроделания в представляемом к защите труде, послужили отдельные издания и альбомы, посвященные ковроделанию, статьи и сообщения опубликованные в периодической печати, как и различные этнографические устные и письменные материалы, собранные автором в артелях Ере-

вана, Шаумянского района, Ленинакана, Кировакана и архивах Армпромсовета и Ковросоюза. В качестве сравнительных материалов использован также целый ряд трудов (находящихся в библиотеке им. Ленина и в библиотеке Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР), посвященных искусствам восточных народов, в частности ковроделию.

Диссертация состоит из предисловия, трех глав и библиографии. Первая глава в основном посвящена истории армянского ковроделия. Во второй главе предметом исследования является техника и искусство ковроделия и положение его в старых армянских очагах кустарничества. В третьей главе рассматривается возрождение ковроделия в Советской Армении. Объем труда—248 стр. и 71 вкладка с фотоснимками и чертежами. В качестве приложения приведен целый ряд документов. Даны списки использованной литературы, фотоснимков и чертежей.

I

В первой главе: „Исторический обзор армянского ковроделия“, на основе письменных данных и данных материальной культуры доказывается, что еще с VIII в. до нашей эры изготовление „капэрт“-ов или „карпэт“-ов было уже распространенным занятием на территории Армении. Обнаруженные во время раскопок Кармир блура остатки *տղե-լաթ* („угэлат“) — дорожки длиной от 15—20 м, подтверждают это.

Однако изготовление „капэрт“-ов не являлось еще ковроделием. Ковроделие связано с развитием новой ветви из примитивного капэртоткачества (из ручного способа переплетения нитей) — с перерастанием ремесла в искусство. По свидетельству Ксенофонта (401 г. до н. э.), Тимасий из Дарданы подарил фракийскому владыке Севфху один варварский ковер (*καπιδας βαρβαρικῆς*), который, по всей вероятности, был взят из Армении. Этот ковер оценивался 10 мин [1000 серебрянных драхм]. Этот факт подчер-

кивает существование узлового коврового способа ткачества в Армении в V в. до нашей эры.

В области ткацкого мастерства узловой способ изготовления ковров дает возможность наряду с параллельным использованием различного сырья: шерсти и шелка; шелка и хлопка либо льна — придавать ткани желаемую мягкость и ворсистость, как и желаемые оттенки различной расцветки орнаментов и рисунков и стилизацию их. Таким образом, если, с одной стороны, внутри производства ковров сырье становится более ценным, то, с другой — ковры, заменив „капэрт“-ы, украшают пол и стены, что, возможно, имеет определенную связь с декорированием пола и стен и с искусством мозаики.

Что касается помещения некоторыми исследователями под тем же наименованием „ковровые ткани“ совместно и ковров и „капэрт“-ов, — мы считаем это в корне ошибочным, ибо по существу совершенно игнорируются сдвиги происшедшие в ткацкой технике, хотя фактически именно этим обусловлен прогресс внутри ткацкого ремесла по пути: цыновка — „капэрт“ — ковер.

Согласно данным арабских и византийских историографов с IX по XIII вв. в средневековой Армении, особенно в городах, расположенных по обоим главным торговым путям — северному и южному из Двина и Ани, из Карина в Ерзынка, из Беркри в Ван, из Артчеша в Тигранакерт — ковроделие как товарное производство получает значительное развитие. Это, несомненно, связано с восстановлением государственности в стране в IX в., с развитием феодальных городов, как и с изгнанием в XII в. иноземных захватчиков объединенными силами закавказских народов за пределы своих стран и с последующим восстановлением хозяйства.

Производство ковров занимало первое место среди ремесленных промыслов городов средневековой Армении. Согласно историческим фактам в Армении производились ков-

ры, начиная с маленьких ковриков— подстилок под ноги, именовавшихся „табаста“, до огромных размеров „кали“, устилавших полы. Арабский историк Мухаммэд Бариахини пишет об этом:

„В 299 г. гиджры [по нашему летоисчислению в 911 г.] Амир Юсуф Абу Садж посылает из Армении своему халифу Мухтадиру 400 коней, 30 тысяч денариев и 7 армянских ковров, один из которых был длиной в 60 локтей (31 м 20 см) и шириной в 60 локтей, над которым работали 10 лет“¹.

Армянские ковры пользовались большой известностью на Ближнем Востоке благодаря своим самобытным качествам. Подобно каждому прославленному продукту производства, армянские ковры получали название по месту своего производства. По арабскому историографу Якуту ковры, сотканные в Каликале, именовались сокращенным названием этого города— „кали“² [kali]. Впоследствии термин „кали“, подчиняясь законам фонетических изменений, превратился в „хали“ [khali] и получил большое распространение почти во всех странах Ближнего Востока в качестве синонима названия „горг“— ковёр. Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что в период арабского владычества в Армении, армянские ковры, сотканные в Карин-калаке (Арзруме), а согласно арабскому произношению в „Кали-кала“ [Kali-kala], были известны на ближнем Востоке под искаженным на арабском языке термином „кали“ < „хали“³. Когда в Киликии создано армянское государство, армянский народный термин „карпэт“ („Կարպետ“) проникает

¹ Н. Я. Марр, Ани Л.-М., 1934, стр. 128 (АС. стр. 81).

² Якут, „Муджам эль болдан“, т. 4, Лейпциг, 1924, стр. 19.

³ С прибавлением к термину „хали“ турецкого уменьшительного суффикса „чэ“ или „ча“, составилось название „халичэ“, „Халича“— маленький коврик, маленький „хали“, подобно уменьшительному значению „баг*-а—сад, огород, „багча“—садик, огородик; „хон“—„хонча“—поднос, подносик, „каман“—„каманча“.

вместе с армянскими коврами в Западную Европу, в частности в Англию и Францию.

Исходя с распространенности термина „кали“ (от названия города Карина) на Ближнем Востоке, как синонима названия ковра— „горг“, А. Сагизян предполагает, что „в области ткацкой техники вид узлового тканья должен был быть создан впервые в Армении в промежутке времени с момента покорения арабами Карина до овладения им сельджуками“¹, то-есть с середины VII в. до середины XI в. Это опровергается следующими фактами:

а) тем, что в 949 г. раскопками в Горном Алтае обнаружены два ковра, сотканных узловым способом еще до нашей эры;

б) тем, что профессиональное ковроткачество в Армении к этому периоду уже достигло своего расцвета.

Армянские ковры вызвали восхищение у всех от Багдада до Волги, от Константинополя до Туркмении, о чем единогласно свидетельствуют целый ряд историографов—современников.

По нашему мнению, распространенность на Ближнем Востоке, создавшегося в связи с арабским произношением названия города Карина, сокращенного термина „кали“, как синонима слова „горг“, связана не с процессом происхождения ковределия с VII—XI вв., а с процессом развития товарного производства и товарного обращения в средневековой Армении с IX—XIII вв.

Помимо арабских писателей, о производстве армянских ковров и торговле ими дает нам сведения Балдуччи Пеголетти, управляющий кипрским филиалом флорентийской компании Барди. Описывая торговые сношения Киликийского армянского государства с Западной Европой, он между прочим упоминает также о ценах на „капэрт-ы“ (Կարպեր—ковры), привезенные в Европу из Киликии: „Цены и такса на материалы и вещи в Айасе“, Сисуане в

¹ А. Sakissian, Pages d'art armenien, Paris, 1940, стр. 27—28.

* Айас—Габань и приморский город крупного торгового значения в Киликии (Сисуане).

1274--1330 г. ... „Капэрт“ [стоит] „нор драм“—новые
деньги—10, 16¹.

Несмотря на развитие в средневековой Армении ремесленных промыслов, как товарного производства, заказчик пока что, еще не появлялся на арену в качестве организатора самого производства.

В этой же главе, базируясь на фактических данных, вскрыто и то обстоятельство, что армяне занимались ковроделием и торговлей коврами, не только в родной стране, но и в других странах, куда они переселялись из Армении. Переселившиеся за границу армяне продолжали заниматься тем же, чем занимались на родине, в особенности, ковроделением и торговлей коврами — в Адрианополе (Фракия), в Каппадокии, в городе Асиуте (Верхний Египет), в Буковине (Румыния), во Львове (Западная Украина), в Елизаветполе, Керле, Георгии (Австро-Венгрия), в Киеве (Восточная Украина), в бассейне реки Волги, в Испагани, в Ширазе (Персия), во Франции и в др. местах.

Из средневековых авторов арабский географ Аль-Якуби, посол халифа Ибн-Фатлап, греческий историк Симеон Магистрос, венецианский путешественник Марко Поло, арабский писатель Якут, вышеупомянутый флорентинец Балдуччи Пеголетти свидетельствуют, что с IX—XIII вв. ковроткачество и торговля коврами были одним из основных занятий армян в упомянутых странах. В фондах государственных архивов— голландских, французских и русских—находим многочисленные документы также и относительно торговли армянских купцов из Новой Джульфы [Нор Джуга] шелком-сырцом, шелковыми тканями и коврами в XVII—XVIII вв.

В ковроделие, бывшее одной из основных ветвей прикладного искусства на Востоке, армяне искони вносили свой крупный вклад и содействовали его развитию не только в родной стране, но и его распространению в некоторых странах Ближнего Востока и Европы, куда они переселялись в

¹ Արիւն, Սիւնւն, *Վեհեմիկ*, 1885, ցր. 370.

результате создавшихся тяжелых хозяйственно-политических условий жизни на своей родине.

III

Во второй главе: „Кустарное ковроткачество в Армении и в местностях соседних стран с армянским населением“, исследуются: положение ковроделия в Армении (в частности после падения Двина и Ани), орудия коврового производства и претерпеваемые ими изменения, как и орнамента армянских ковров.

Ремесленное производство средневековой Армении, в том числе и профессиональное ковроткачество, после падения Двина и Ани, не остается на прежней высоте. Оно сосредоточивается в тех районах, в тех частях исторической Армении, где местное население издавна занималось скотоводством и, в частности, овцеводством (в Лори, Иджеване, Зангезуре, Шираке, Васпуракане, Высокой Армении-Каринский район). В этих районах с натуральным хозяйством каждая зажиточная и со средним достатком семья, сообразно своим материальным возможностям, изготавливала своими собственными средствами производства по местному вкусу и стилю не только необходимую одежду для своих членов, но и „горги“—ковры, „капэрт-ы“—паласы для своих нужд, на приданое дочерям и в дар кому-либо.

Как известно, основной процесс коврового ткачества до наших дней происходил с помощью примитивных орудий труда. Основными ковродельческими орудиями являются: „торк“ — ткацкий станок, „мкрат“ — ножницы, „кытут“*, „копич“ — большой гребешок и „санр“ — обыкновенный гребешок (для расчесывания и приглаживания ворса). Подсобными орудиями для обработки сырья были: „сандэрк“ — чесалка или карда, „авэг“ — небольшой шерстобитный лук, „тчахарак“ — прялка, „илтык“ („тэшик“) — веретено и

* Ковроделческий гребешок с ручкой, прибывают уток к опушке
ткан.

„карман“ — особое веретено для прядения шерстяной или бумажной нити.

Нужно однако отметить, что орудия труда сельских кустарей и профессиональных городских ковроткачей несколько отличались: у сельчан они были примитивнее, чем у городских ремесленников. Изменения, которым подвергались орудия производства в городских ремеслах средневековой Армении, в том числе и ковроткачества, были следствием развития товарного производства.

В данной работе обстоятельный разбор с соответствующими иллюстрациями посвящен эволюции ковроткаческих орудий производства.

Итак, в тех районах, в которых произошло определенное развитие производительных сил, вместе с усилением процесса общественного разделения труда, создавались рынки для сбыта продукции ремесленников. В области переработки сырья в капэртоткачестве, вообще, и в изготовлении ковров, в частности, имело место усовершенствование орудий труда и в результате этого изменение трудоемких процессов. В тех же районах, в которых господствовал еще натуральный способ ведения хозяйства, тканье ковров, составлявшее главную отрасль местного кустарного производства, совершалось с помощью значительно более примитивных способов и орудий труда. Здесь еще не вошел в обиход технический „образец“ рисунка ковра, нанесенный на миллиметровку, которая облегчает счет завязываемых узлов. Здесь „образцом“ служил какой-либо старый ковер. Естественным следствием этого было отставание сельского кустарного производства „капэрттов“, „горгов“ — ковров, отставание переработки сырья для него и расцветки, как и качества тканья от продукции городских ремесленников-профессионалов.

Ковровая ткань в убранстве армянского жилища исторически занимала свое особое место не только как предмет его обстановки с практическим назначением, но и как худо-

жественная вещь, посредством которой различные слои народа выражали свои эстетические вкусы, свои мысли и переживания, с той лишь разницей, что народ в своей словесности выражал свои мысли и переживания словами, а в композиции ковра — орнаментами, рисунками и расцветкой.

Каждый район, сохраняя местные черты армянского художественного стиля, создавал в течение веков свои ковры со своими самобытными декоративными мотивами, с различной расцветкой, размерами и густотой узлов. Композиция рисунков ковров имеет тесную связь с бытом и хозяйством, с климатом, флорой и фауной, как и с определенными верованиями каждого района. Так, в рисунках лорийских ковров (которые тесно связаны с рисунками ковров Агстевской долины) типичны мотивы животных — козули, оленя; из птиц — в основном мотив соловья, из насекомых — скорпиона и тарантула; а также орудий труда и схематических фигурок людей. В орнаментике ковров Ара-ратской долины получили свое отражение виноградные кисти и листья, и колосья пшеницы. В коврах Зангезура, близких коврам Карабаха и Нахичевани, запечатлелись остатки первобытных представлений людей о грозных силах природы — солнце, и дракон — „вишап“ — противник солнца, и дождя; орел, из животных, за которыми охотятся — олень, каменный козел и др. Так подробно разбираются мотивы ковров каждого района.

Среди прикладных искусств, ковровое искусство выделяется тремя особенностями стиля. Во-первых, тем, что узоры и рисунки восточных ковров вообще и, в частности, ковров закавказских, в том числе армянских, подвергаются стилизации. Растительные и особенно животные мотивы стилизуются. Животные изображаются в самых характерных своих чертах. Так, например, баран характеризуется головой с витыми рогами, орел — распростертыми крыльями, павлин — веерообразно раскрытым хвостом и пр. Во-вторых, тем, что армянские, как и восточные, ковры имеют самобытный стиль, по закономерностям которого большинство

декоративных мотивов распределяется так на плоскости ковра, что они производят то же гармоничное впечатление и не теряют художественности своих пропорций, как бы ни был повешен ковер—в длину или в ширину. В—третьих, тем, что декоративные мотивы армянских ковров, несмотря на сохранение своих пропорций, наподобие архитектурных скульптурных орнаментов, отличаются все же друг от друга своими деталями.

Из всего этого очевидно, что мотивы восточных ковров, в том числе и армянских, до того видоизменились, что с первого взгляда невозможно определить их прототип. Необходимо отметить, что вместе с изменением содержания бытия и искусства изменились и формы ковровых мотивов. Они превратились постепенно только лишь в декоративные мотивы.

Несмотря на все это, буржуазные ученые, рассматривая орнаменты в застывшем состоянии, игнорируют эволюцию, пережитую ковровыми мотивами, то-есть игнорируют вместе с эволюцией содержания и эволюцию его формы. Именно по этой причине, некоторые буржуазные ученые, исходя из современной формы мотивов дракона, изображенного на армянских коврах, принимают их за шкуры козла или зайца. Иные ученые, соглашаясь с тем, что это—мотивы дракона, тем не менее вообще упускают из виду место и время происхождения и оформления данного декоративного искусства, его среду и считают мотивы дракона продуктом заимствования. Между тем армянская мифология богата преданиями о битвах божества грозы—Ваагн-а с драконами; о крылатых конях, взвивающихся прямо к жгучему солнцу из пучины вод; о Тцовинарах, беременеющих от воды; о драконах, извергающих целебные воды из пупов своих; богата, наконец, многочисленными преданиями о культе огня, о культе деревьев. Эти мифы и рассказы, по всей вероятности, являются следствием частого отсутствия осадков в Закавказье, в том числе и на Армянском нагорье и вызванной этим засухи, а затем внезапных лив-

ней, в результате таяния снегов, наводнений. В мышлении первобытного человека все это должно было принимать фантастические формы, порождая подобные мифы. С течением времени мифические орнаментальные мотивы оторвались от своего исконного содержания. Тем не менее, в виде пережитков, они нашли свое отражение в прикладных искусствах и в ковровом искусстве не только армян, но и всех соседних народов от Закавказья до Малой Азии. В качестве пережитков подобных композиций до нас дошли, например, символы „солнца и его вестников птиц“, „колесницы солнца и дракона—противника солнца“. Имея аналогичное содержание обоготворения природы, мотивы этих символов по форме отличаются, однако, у каждого народа.

Остатки этих фантастических представлений в орнаментике кустарных ковров закавказских народов, со всей вероятностью, отражают те мифические предания, которыми богата восточная, в том числе и армянская, мифология.

Мотивы орнаментов средневековых армянских ковров, как ремесленного, так и кустарного производства, дифференцируются так же по своему содержанию и форме исходя из назначения ковров. Так, например, если различия в рисунках и орнаментах ковров, предназначенных для повседневного употребления, в приданое дочерям, как и в дар родственникам, были не очень ощутительными, то ковры, иногда изготавливаемые по заказу церквей, в корне отличались от первых своими декоративными мотивами. В противоположность этому, декоративные мотивы ковров, вытканых для собственного употребления, создавались с определенной творческой свободой и по существу носили светский и, в частности, бытовой характер. Следовательно, трудящиеся массы, хотя и стихийно, все же своим материалистическим мировоззрением противодействовали в орнаментике своего прикладного искусства идеологии поработавшего идеалистического искусства господствующих высших классов. Несмотря на определенное влияние церкви и господствующих высших классов, в армянском ковровом

искусстве большое место занимают черты его народности. Черты эти получают развитие после присоединения Восточной Армении к России, когда армянский народ накрепко связал свою судьбу с великим русским народом и получил возможность продолжать свои лучшие традиции.

Итак, можно сказать, что в средневековой Армении ковроделение являлось тем основным искусством среди прикладных искусств, посредством которого народные слои имели возможность проявлять свои душевные чаяния, свои мысли, бытовые обычаи, как и свои эстетические вкусы и потребности. В прштом ковроткачество было одним из главных занятий женщин, в котором они проявляли свой талант и сноровку. Например, по существовавшему в Армении обычаю, девушка, дабы показать свое умение жениховым послан, во время сватовства, под тем или иным предлогом подходила к ткацкому станку — „торк“-у и начинала ткать быстро, ритмично и ловко. Этот обычай получил свое отражение также в фольклорных рассказах и сказках. Очевидно, что если в условиях натурального хозяйства, с одной стороны, делается упор на важность ковроткачества среди других кустарных промыслов, то с другой стороны, именно женщине отводится важная роль в кустарном промысле, в особенности, в ковроткачестве. Во время публичного показа приданого (в Лори и Зангезуре это называлось: *«բաժինկ փաշտել»* — „бажинк ишэцнел“, — приданое напоминать) девушки удостаивались хвалы. Естественно, что в этих условиях родители проявляли заинтересованность, чтобы их дочери специализировались в ткани и, главным образом, в ковроткачестве.

В очагах старых армянских кустарных промыслов местные самобытные формы ковроделия сохранились до наступления капиталистических отношений. Однако с 70-ых годов XIX в., вследствие проникновения капитализма в Закавказье, в том числе и в Армению, оно получило иной вид. Ленин в своем гениальном труде „Развитие капитализма в России“, пишет:

„В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа... С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов“¹.

Так, в результате развития капитализма в Закавказье и создания достаточных возможностей передвижения и перевозок, развивалась торговля. Это вызвало падение кустарных промыслов, в том числе и старых очагов ковроделия.

„Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости — *создавал себе рынок* для своих фабрик“².

Упадок кустарных промыслов было и следствием углубления расслоения деревни, что вызвало уменьшение количества производимых для собственного потребления ковров. Было время, до проникновения капитализма в деревню, когда крестьянская семья со средним достоянием была в состоянии ткать по одному или по два ковра либо „капэрт“-а в год. С 70-ых годов XIX века ограничивается и эта возможность. Упадок имел место, наконец, и по той причине, что не только техника кустарного производства, но и сезонный характер его работ, не удовлетворяли потребностям капиталистического рынка. Поэтому-то, в основном в городах, организовывались ковроткаческие мастерские фабричного типа, где часть женщин — бывших кустарей-одиночек работала по найму. Большинство же их еще продолжало работать на дому. Попад в зависимость от торгового капитала, они работали в свою очередь на положении работниц-ковроткачих-надомниц. В капиталистический период во всех областях промышленности, в том числе и в ковроделии, капиталисты безжалостно эксплуатировали женщин и детей. В эпоху капитализма изменяются некоторые уста-

¹ В. И. Ленин, Соч., том III, стр. 521.

² Там же.

реальные формы труда ковроткачих, вследствие определенного развития техники ковроткачества. В результате превращения ковров в товар подвергаются изменению также и их художественное оформление и орнаментика. В стили ковров различных местностей, ткавшихся по заказу торговой буржуазии, проникает эклектизм. Этот процесс принимает особенно острый характер в среде той части буржуазии, которая была оторвана от своей родины. В качестве посредника армянская буржуазия удовлетворяла спрос международного рынка. Следовательно, лишенная собственного „отечественного“ рынка, армянская буржуазия была весьма мало заинтересована в сохранении характерных особенностей своего стиля. В одной из статей, написанной в 1890 г., читаем: „Ныне ковры, вытканые в Себастии, являются копиями персидских или нескольких видов традиционных ковров... Да будет известно, однако, что нужно придавать большее значение расцветке, любимой европейцам и американцам. Ибо это они должны украшать свои салоны и спальни расцветкой, соответствующей своему собственному вкусу“¹.

Подобные торговые притязания наблюдаем также и у закавказской буржуазии. В докладах первого съезда 1901 года деятелей ремесленных промыслов Кавказа говорится, что производители ковров Индии, Персии, Малой Азии и прочих стран лучше знакомы с европейскими потребностями, чем мы. Несмотря на то, что кавказские ремесленники владеют более высокой техникой, они производят более аляповатые бесцветные ковры².

Так, от Закавказья до Малой Азии торговая буржуазия, отказываясь от самобытности, подчинялась спросу и потребностям европейского и американского рынков, совершенно

чуждых ковровому искусству вообще, как и народным традициям армянского ковроделия. В противовес этому, трудящиеся массы у себя на родине, как и в Закавказье, в местах с армянским населением, сохраняли и развивали традиции национальной культуры армянского народа, создавали ковры на отчужденные темы. Это делали: на селе те кустари, которые все еще ткали для удовлетворения своих собственных нужд, в городе — мастера-ремесленники ковроткачи, которые еще не были науперизованы и все еще самостоятельно производили для рынка.

Помимо содержания мотивов и формы их передачи-стиля, отметим, что определенные мотивы, отжив свой век, отодвигались на задний план в период капитализма, а новые мотивы занимали первое место. Например, после проведения железной дороги в Закавказье, верблюд утратил свое первостепенное значение в народном хозяйстве, верблюд стал постепенно исчезать как декоративный мотив из ковровой композиции. В бывшей Эриванской губернии, в частности, в Араратской долине в 60-ых годах XIX века в результате развития хлопководства, в декоративных рисунках ковров появляются мотивы цветка хлопка и его коробочки.

Итак, когда в результате проникновения капитализма в Закавказье, с Арменией включительно, развиваются техника, транспорт, торговля, — разрушающиеся старые очаги кустарного ковроткачества уступают место городским ковроткаческим цехам. Несмотря на количественный рост производства ковров, благодаря развитию ковроткаческой технологии и товарного обращения, проникновение эклектизма в орнаментiku ковров делает заметным отход ее от самобытных черт армянского стиля. Это объясняется спросом рынка и бестолковым употреблением анилиновых красок.

В годы первой империалистической войны, в период мрачного господства дашнаков, при общем падении народного хозяйства, разрушается и ковровое дело в Армении. В некоторых районах, правда ненадолго, оно даже совершенно исчезает.

¹ Գորգազորդուրիւն Ի Սերտիսի, «Արեւիկ», Կ. Պոլիս, 1890 թ., № 2607, էջ 3:

² Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902, стр. 15—16, 42—46.

III

В третьей главе: „Возрождение ковроткачества в Советской Армении“, исследуется то широкое развитие, которое получило ковроделение только после установления Советской власти в Армении вместе с развитием местных ремесленных промыслов, сельского хозяйства, промышленности и всего народного хозяйства. Благодаря заботливым усилиям Советской власти, с 1921 г. до начала 1926 г. восстанавливается народное хозяйство. Согласно статистическим сведениям число рабочих и служащих в социалистической промышленности Армении в 1926 г. достигло 18.219 душ¹, а кустарей и ремесленников насчитывалось от 50—100 тысяч². Определенный процент их составляли ткачи, капертоткачи и ковроткачи. По некоторым подсчетам их число доходило до 9.000 душ. Естественно, что такая рассеянность народного хозяйства и примитивная техника не могли удовлетворять потребностей советского общества.

С самого начала своего управления, Советская власть в числе проводимых ею крупных мероприятий, приступила к охвату в системе ремесленных коопераций и артелей мелких производителей и кустарей. Так, до организации Кустарно-промыслового комитета в Армении (27 марта 1925 г.), значительная часть ковроткачей по особым договорам сдавала свою продукцию государственным предприятиям. Хотя последние и доставляли основное сырье—шерсть и хлопок, но кустари сами обрабатывали его—мыли, трепали, пряли и красили. Ковер ткали по полученному образцу рисунка. Однако год от году возрастающим потребностям советского рынка не удовлетворяла не только старая кустарная техника, культурнобытовой уровень досоветского периода, остатки старых производственных отношений тоже не соответствовали чаяниям нового человека, строившего

¹ Статистический сборник: «Աղյուսակներ Հայաստանում», Երևան, 1927, стр. 1—2.

² Газета «Մարտիրոսի Հայաստան», Երևան, 1928, № 272, стр. 1.

социализм. Например, в среде кустарей и ремесленников еще существовал стародавний обычай, присущий ремесленникам средневековья—сохранять втайне свой опыт и эксперименты в своем производстве, не делиться ими. Правительственным постановлением от 27 марта 1925 г., дабы укрепить научно-техническую базу и кооперативные социалистические принципы местного ремесленного производства, организуется Кустарно-промысловый комитет. Последний открывает в Ереване первую школу-мастерскую ткачества и ковроткачества для внедрения технических знаний среди кустарей и для подготовки кадров специалистов. Для работы там представляются широкие возможности известным специалистам по коврам—Д. Гаранфилян, Србуи Броянц, Овсепу Абрамян и др.

Усилиями Комитета в 1923—1930 гг. в старых районах кустарного ковроделия Армении—в Лори, Зангезуре, Иджеване, Ереване и в других местах организуются 12 ковроткаческих кооперативных артелей, с более чем 40 цехами. Вследствие организации и быстрого распространения артелей, уже с 1929 г. начинает ощущаться необходимость объединения все ковродельческие артели центра. В 1930 г. для организации такового в Ереване созывается первый полномочный съезд ковродельческих артелей Армении, избравший центральное правление Ковросоюза. Оно приступает к механизации процессов обработки шерсти и сосредоточению их в одном месте. В Ереване строится центральная ковродельческая мастерская, красильня, прачечная для химического мытья ковров. В результате всех этих мероприятий—охвата ковроткачей системой кооперирующих артелей, механизации некоторых процессов обработки основного сырья—шерсти и усовершенствования ковроткаческих орудий,—заметно подымается производительность труда ковроткачарбочего. В 1935 г., когда появилось движение новаторов, уже в ноябре того же года организовалась молодежная стахановская бригада ковроткачей в Ереванской ковродельческой артели. Бригада доказала своей работой, что для

простых орнаментированных ковров ширпотреба среднюю норму выработки рабочего можно вместо прежних 5.500 узлов довести до 7.200, а для тканья одного квадратного метра ковра — вместо 4,5 кг. ниток можно отпускать 3,7 кг¹.

Таким образом значительно возрастает годовое производство ковров в Советской Армении. Если в 1912 г. в бывшей Эриванской губернии 6.674 сезонно работавших кустаря (женщин) соткали 13.500 кв. м ковров, то в 1952 г. в ковроткаческих артелях Советской Армении, помимо производства „капэрт“-ов и „угэлат“-ов — дорожек, 2.000 ковроткачей-рабочих соткали 23.857 кв. м ковров. Все это свидетельствует о том, что и в Советской Армении вследствие кооперативной артельной системы организации ковроделания, развития его техники значительно повысилась производительность труда ковроткача.

После установления Советской власти в Армении, создались все необходимые условия для непревзойденного развития армянской культуры и искусства. Богатое кустарное наследие армянского народа, достижения передовой культуры прошлых поколений стали достоянием широких масс наших трудящихся. В области армянской культуры и искусств, с прикладными включительно, художники-мастера получили возможность создавать культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме. Советские армянские художники прикладного искусства, изучая богатое наследие армянских миниатюр, в течение тридцати лет обогатили и обогащают золотой фонд армянского ковроткаческого искусства новыми рисунками и мотивами, а также портретным ковровым жанром. Живопись для ковров имеет свою специфику. Художник коврового искусства prepares прежде всего эскиз рисунка ковра. После этого он превращает эскиз в техническую картину — проект. Необходимо предвидеть всё — густоту узлов проектируемого ковра, гармонию расцветки и мотивов ковра и пр. В сфере советского армянского коврово живописного искусства вы-

деляются знатные ковровые портретисты — Д. Гаранфилян и Акоп Кэшишян, как и Арутюн Табакян, художник Рубен Шахвердян, график-специалист по армянскому орнаментальному искусству Тарагрос, Мисак Абелян, С. Берберян, В. Агаян, С. Лусарарян и др.

Еще в 1924 г. художник коврового искусства и сам ковроткач Д. Гаранфилян становится новатором советского коврового искусства. „Среди современных мастеров ковроткачества в Армении самый видный — Довлет Гаранфилян. Гаранфиляна называют „мастером портретного ковра“. В сущности, он создатель этого жанра, так как его тканые портреты положили начало целой новой отрасли советского декоративного искусства“¹. С большим мастерством он создал двадцать два ковровых портрета: В. И. Ленин, И. В. Сталина, затем и их соратников, как и крупнейших советских писателей. Следуя традициям, он отразил в орнаментах портретных ковров социалистическое народное хозяйство, быт и культуру с той лишь разницей, что использованные им декоративные мотивы взяты из нового советского быта. Не менее известен в ковровой живописи художник Акоп Кэшишян, который в 1933 г. в армянском стиле создал пять эскизов высококачественных ковров — один с мотивами животных в реалистической их трактовке, четыре — орнаментальных. В 1935 г. по случаю 10-летия Совета промысловой кооперации и Краснознаменного МОПР-а Армении, он изготовил два тематических ковровых эскиза.

В 1939 г. в честь 1000-летия эпоса „Давид Сасунский“ им же изготовлена ковровая композиция, посвященная Давиду Сасунскому. По эскизу графика-миниатюриста Тарагроса в 1939 г. к декаде армянского искусства в Москве был соткан прекрасный декоративный ковер. Несколько портретных и тематических ковров по эскизам Табакяна получило широкое признание. В 1937 г. на Парижской международной выставке, созданные советскими армянскими

¹ М. В. Бабенников, Народное декоративное искусство Закавказья, Москва, 1948 г., стр. 69—70.

¹ Газета „Ժողովրդական Հանրագիտարան“, Երևան, 1939 թ., № 67, стр. 3.

мастерами в новом армянском стиле ковры, удостоились золотой медали, а в 1939 г. на Нью-Йоркской выставке — высшей премии.

В годы четвертой послевоенной пятилетки ковроделие в Армении вступило в новую стадию развития. С подъемом культурно-технического уровня в местном промысловом производстве, в том числе и в ковровом, имеет место множество рационализаторских предложений в области ковровой тематики, орнаментальной декоративности, как и технологии. Для опробирования предложений в 1949 г. вновь открывается, временно закрытая в годы Великой Отечественной войны, ковровая художественная экспериментальная лаборатория. Там, впервые в 1950 г. была опробована новая технология ковротканья, предложенная специалисткой ковроткачихой Варсеник Алексанян. Специфика этого предложения состоит в том, чтобы смешивать трепаную шерсть различной окраски и оттенков, как художник смешивает различные краски, дабы получить желаемый цвет и оттенок.

Вместо того, чтобы применять разноцветные ворсистые полукрученные нитки для завязывания узлов, используется просто цветная шерсть.

Коллектив Ковровой художественной экспериментальной лаборатории изготовил несколько ковров по эскизам художника Акопа Кешишяна, а именно: в 1950 г. — ковер, посвященный 30-летию Советской Армении; в 1951 г. (тоже новой техникой коврового тканья) — „Севан-ГЭС“, „Расцветшая весна“, „Лань в рощице“; в 1952 г. — „Праздник мира“ (с монументом Сталина) и ковры на иные темы. В 1953 г. выткан ковровый портрет Мао Цзе-дуна.

Помимо портретов, по эскизам художника А. Кешишяна, в ковровой художественной экспериментальной лаборатории, под руководством Т. Игитяна изготавливаются три десятка экспериментальных ковров в армянском стиле, с наименованиями различных местностей Армении. Из них десять уже переданы для массового распространения. В их композиции использованы образцы армянских миниатюр и

декоративного искусства. Создание новых декоративных мотивов в армянском стиле является крайне необходимым, дабы положить конец сухому схематизму ковров прошлого и определенным элементам эклектизма, проникшим в капиталистический период в армянское декоративное искусство.

Советские армянские мастера коврового искусства, исходя из известного ленинского положения, осваивают из богатого наследия армянской культуры прошлого все то, что являлось прогрессивным, создают ковры нового типа в армянском стиле. Получая новое содержание, композиция этой декоративной живописи, мотивы ее орнаментов сохраняют в своей форме лучшие традиции армянского народного искусства, реалистический стиль, простоту. В декоративных узорах ковра сохраняется крайне важная традиционная черта армянского народного искусства: при сохранении общей соразмерности, внесение всё новых творческих форм в их детали, мягкая успокаивающая глаз расцветка „мареновий“ [„торони“], красный цвет фона.

Восемьдесят процентов артельного производства Ковросоюза составляют ковры в новом армянском стиле. Они получили широкое признание не только в нашей республике, но и во всем Советском Союзе.

Давая в основном правильное решение художественному оформлению ковров, их композиции, советские армянские мастера и художники ковров прилагают все усилия, дабы творческими исканиями разнообразить и обогатить армянское ковровое искусство. Все таки, около десятка ковров в армянском стиле, переданных для массового распространения, носят совершенно случайно им присвоенные названия различных мест Армении: Ереван, Двин, Арташат, Эчмиадзин, Звартноц, Гегард, Севан, Баязет, Айгестан, Горис и Зангезур. По нашему мнению:

а) названия ковров не следует смешивать с этикетками различных товаров. Давая названия коврам, нужно прини-

мать во внимание традиционные очаги армянского ковроделия, как и современные центры его;

б) композиции узоров и рисунков этих ковров в большой мере страдают бессмысленным испещрением различными образцами армянских миниатюр. Это противоречит традиционной простоте армянского коврового декоративного искусства и вносит однообразие в композиции ковров отмеченных районов, в передачу образов растительного и животного мира. Следовательно, рисунки ковров, отмеченных названиями различных местностей Армении, должны отражать местные хозяйственные и природные условия и местный быт, ибо развитие национальной формы социалистической культуры в нашем искусстве означает сохранение подлинности и самобытной типичности армянского искусства.

Постановка производства советской страны, в том числе коврового, на социалистические рельсы изменила производственный быт и культуру ковроткачей. На смену старым отношениям людей пришли новые отношения творческого содружества и социалистической взаимопомощи. Создались новый быт и культура в общественной, производственной и семейной жизни ковроткачей.

С точки зрения создания новых производственных отношений важное значение имеет подготовка кадров. Подготовка кадров ковроткачей ныне происходит в цехах в порядке индивидуального прикрепления. Вновь поступившую ученицу прикрепляют к мастерице, которая в два месяца обучает ее „завязывать узлы“, читать технический рисунок, „цагикиэр тапэл“ — „рассыпать цветы“ — то есть ткать узоры ковра, прокладывать уточную нить — „миджнатэл“, бить „кытут“-ом — большим гребешком и туго натуго, вплотную придвигать последнюю горизонтальную нить к последнему ряду завязанных узлов, как и натягивать нити основы — „һэнк“ — *hēp*-а и готовить „асп“* —

* Ремиз — Зевособразовательное приспособление.

ремиз. Затем ученица сдает экзамен, показывает приобретенные ею навыки. После того, как ею соткан первый ковер и сдан мастерицам-ткачихам публичный экзамен, ученица удостоивается звания мастера.

Дальнейшее поднятие квалификации ковроткачих и ковроткачей проводится в группах обучения техникуму. В группе обучения техникуму ковроткачихам преподаются теоретические дисциплины по различным отраслям ковроткаческого искусства, освещаются лучшие достижения отдельных мастеров и сообщаются определенные сведения об организации промысловой кооперации и об уставе артели.

За прошедшие 27 лет со дня основания ковроткачих артелей, выросли прекрасные кадры ковроткачей и ковроткачих. Из них в 1952—1953 гг. 414 человек удостоились звания ударниц, 362 чел. звания передовиков производства, 170 чел. — за систематический выпуск ковров отличного качества удостоены дипломов Совета Министров Армянской ССР. Из подготовленных кадров В. Алексанян, ковровед, депутат Верховного Совета Армянской ССР, Т. Игитян, бывший ковроткач, ныне управляющий Ковровой художественной экспериментальной лаборатории, автор труда „Технология коврового производства“ и др.

На советских производственных предприятиях, в том числе в ковровых кооперативах, созданы все условия для проявления многосторонних навыков и способностей рабочих. Ковроткачихи охвачены кружками художественной самодеятельности и часто выступают для своих коллективов и на олимпиадах. В связи с ростом социалистического соревнования, в среде ковроделов создалась атмосфера творческого содружества. Имеет место широкий обмен опытом между ковроделами не только в нашей республике, но и между ковроделами братских республик (Украины, Туркменистана, Азербайджана и др.).

В заключение необходимо отметить, что благодаря созданным в социалистическом строе социалистическому соревнованию, тесной взаимосвязи науки и производства, обмену опытом труда, новым отношениям творческого со-

дружества, изо дня в день совершенствуемой технике, как и новаторству в технике и в ковровом производстве Армении—ковры в армянском стиле выпускаются все в большем количестве, становясь доступными широким слоям наших трудящихся. Ковроделие Советской Армении вместе с ковроделием всего нашего Союза превратилось в новое искусство, национальное по форме, социалистическое по содержанию и полностью соответствует высоким культурным запросам социалистического общества.